

Н. П. МАТХАНОВА
Н. Н. АЛЕКСАНДРОВА

Первые дамы

Сибирская провинция XIX в.

Первое лицо после мужа в Западной Сибири.
Современник о жене генерал-губернатора

Изучение истории женщин (так называемые *women's studies*) как отдельное направление гуманитарного знания выделилось в странах Западной Европы и Америки еще в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Сегодня таким подходом — смотреть на историческую эпоху сквозь призму женского восприятия — никого не удивить. Эта область, лишившись столь характерных для нее на первых порах проявлений радикального феминизма, в наши дни интенсивно развивается, а курсы «женской

МАТХАНОВА
Наталья Петровна —
профессор, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института
истории СО РАН (Новосибирск)

АЛЕКСАНДРОВА
Наталья Николаевна —
доцент, кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой Российского
государственного социального
университета (Москва)

истории» включены в программы сотен высших учебных заведений. В российской исторической науке «женская тема» присутствует уже более 200 лет, но в течение двух последних десятилетий подобные исследования переживают настоящий бум (Пушкарева, 2002).

Отличительной чертой советской историографии было то, что на протяжении многих лет женский вопрос рассматривался в контексте женского освободительного движения. Это отвечало не только объективной реальности, но, главным образом, идеологическим и политическим требованиям времени. В то же время в ряде работ освещались и многие «попутные» сюжеты: о правовом и экономическом положении женщины, о ее роли в семье, о возможности профессионального образования и профессиональной

деятельности, о политике правительства и т. д. — все то, что ныне стало предметом изучения «женской» истории. Существует ряд исследований демографического, социологического, литературоведческого характера, касающихся и истории женщин Сибири XIX в. (Гончаров, 2004).

Стремительно ворвавшаяся в нашу жизнь в начале 1990-х рыночная стихия сломала многие национальные стереотипы. И эти изменения затронули прежде всего систему жизненных ценностей, в том числе представления о месте и роли женщины в семье и обществе. Однако противопоставление современных типов социальных моделей поведения женщин эпохи всеобщей глобализации, характерное для нашего времени, и так называемых «традиционных» происходит, в том числе, и от полного незнания отечественного исторического опыта.

Прелестным пальчиком писала записки на шести листах...

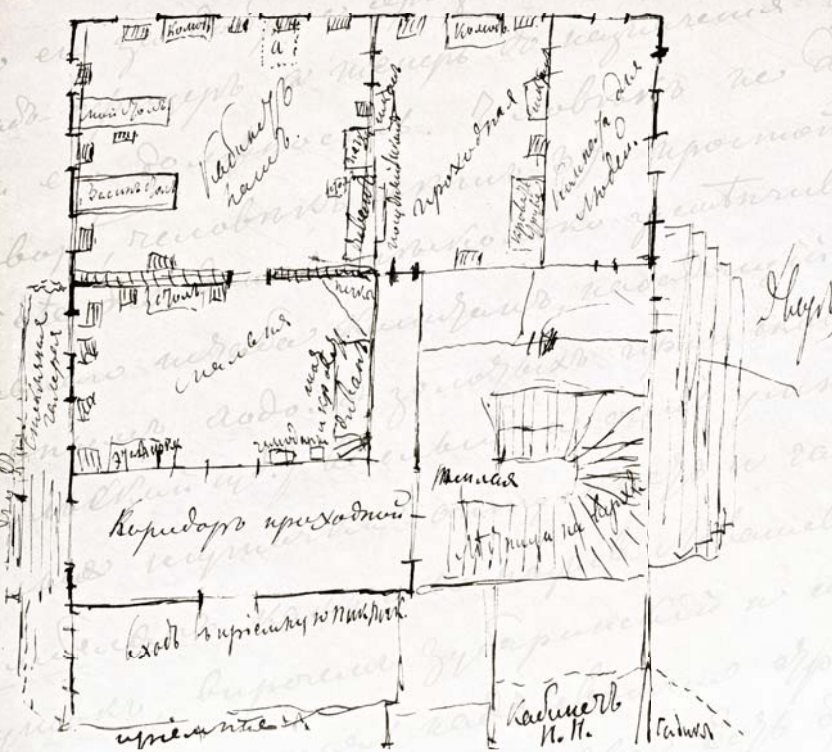
Уже в XIX в. в России, и в том числе в Сибири, мы встречаем ярких, самостоятельных и активно заявляющих о себе личностей, в частности жен глав местной администрации,

губернаторов и генерал-губернаторов (генерал-губернатор был главой огромного региона, в который входило несколько губерний: вся Западная или вся Восточная Сибирь). Они стали участвовать в общественной жизни империи задолго до конца XIX в., когда интеллигентские круги были захвачены модой на женскую эмансипацию, вскоре стремительно перекинувшейся и на высшие круги русского общества.

К сожалению, исторических свидетельств о повседневной жизни этих женщин, жен больших чиновников, о том, как был устроен их быт, каковы были их обязанности, как складывались отношения с мужьями, оставлено не много. Причина тривиальна: в «мужском» обществе наших предков жизнь и деятельность женщин не считались социально значимыми, даже несмотря на то, что XVIII век в России прошел под знаком правления императриц.

Наибольшую ценность в этом смысле представляют мемуары: они содержат живые рассказы об ушедшей эпохе и, как ни один другой источник, передают живой колорит былого. Мемуары совершенно незаменимы при изучении умственного

Изображения дам в модных нарядах XIX в. воспроизводятся по книге Р. М. Кирсановой «Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: костюм — вещь и образ в русской литературе» (М., 1989), в которой использованы журналы мод того времени

План части дома генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева из письма М. С. Корсакова. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

губернатором в далекую Сибирь. Можно только догадываться о том, насколько отличались условия жизни в таких диаметрально противоположных точках земного шара, как Персия, Петербург и Западная Сибирь!

Чиновникам высоких рангов, служившим в Иркутске, Тобольске, Томске и Омске, предоставлялись специальные дома или выплачивались особые «квартирные» деньги. За немногими исключениями, дома губернаторов были достаточно большими и комфортабельными: с бальной залой и вместительной гостиной для проведения приемов, торжественных обедов и балов, с кабинетом и приемной губернатора, а также с помещением для его ближайших сотрудников (адъютанты и чиновники особых поручений при генерал-губернаторе даже жили в доме, что отражено на плане части дома генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, нарисованном его ближайшим помощником М. С. Корсаковым в письме к родителям). К тому же, в доме имелись спальня, будуар жены, ее личная гостиная, столовая, детские комнаты, а также помещения для прислуги. Во дворе размещались хозяйственные постройки.

Увидеть дворцы генерал-губернаторов Восточной и Западной Сибири можно и сейчас. В Иркутске это так называемый «Белый дом» — здание Научной библиотеки Иркутского университета на берегу Ангары. В Омске — здание Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля.

Совсем иначе выглядели дома, которые находились на окраинах Сибири. Например, в доме губернатора Читы печи были дурно сложены, и зимой дом промерзал. В центре Амурской области Благовещенске и в центре Приморской области Николаевске-на-Амуре губернаторские дома приходилось строить одновременно со всей инфраструктурой городов. Вот как писал о первых днях существования Николаевска один из мемуаристов: «Город строился на месте густого дремучего леса, по всем улицам Николаевска (кроме большой) стояли не убранными слошными пни деревьев; какой-то остряк-моряк по этому поводу дал кличку Николаевску «St. Germain des pins».

И за столом у них гостям носили блюда по чинам...

Нелегко в Сибири было и найти прислугу: умелых горничных, кухарок, поваров, лакеев, камердинеров. Кого-то хозяева привозили с собой, но после отмены крепостного права подобная практика стала невозможной. Как правило, именно на женские плечи ложилось решение этой сложной задачи; зачастую приходилось рисковать.

Дочь тобольского губернского прокурора М. Д. Францева свидетельствует: «...прислугу выбирали прямо из ссыльных. <...> [Их] приписывали на поселение к городу, чем они очень дорожили» (Францева, 1888). Среди ссыльных встречались и настоящие преступники, хотя немало было и крепостных, наказанных за провинности хозяевами.

В обязанности прислуги входило не только обеспечение нужд семьи. Так, существовал обычай приглашать к обеду большое количество подчиненных. В Иркутске к столу генерал-губернатора в обычные, т. е. не праздничные, дни садилось человек по 10 и более.

Минусинский окружной исправник А. К. Кузьмин замечал о енисейском губернаторе В. И. Копылове,

отличавшемся скупостью: «Конечно, всякой может жить дома, как ему угодно; но губернатор даже и дома не частный человек, потому что получает столовые деньги». На окраинах этот обычай носил не только этикетный характер: столование в доме начальника было единственной возможностью для молодых холостых офицеров и чиновников нормально и регулярно питаться.

Известно, что жены начальников Камчатки Л. И. Рикорд и Ю. Е. Завойко, а также жена главы Амурской экспедиции Е. И. Невельская заботились о здоровье, образовании и питании не только своей семьи, но также молодых офицеров и чиновников.

Юлия Егоровна, жена первого камчатского губернатора В. И. Завойко, дочь петербургского профессора и племянница знаменитого путешественника, барона Ф. П. Врангеля, вспоминала, как в общей столовой обедало около 30 офицеров и чиновников, поскольку иначе многим из них пришлось бы просто го-

лодать. У Юлии Егоровны было десять детей; приходилось содержать хозяйство, чтобы прокормить не только большую семью, но и окружение мужа.

В жизни этой поистине незаурядной женщины были эпизоды, полные драматизма. Во время Крымской войны, через год после героической обороны Петропавловска-Камчатского в 1854 г., население Камчатки, в том числе и семья губернатора, в срочном порядке было эвакуировано. В Николаевске, на пустом месте, куда удалось довести лишь одну корову, Ю. Е. Завойко делила один литр молока на десятерых детей, обливаясь горькими слезами. В мемуарах, написанных ею спустя тридцать лет, отразилась горечь этих переживаний (Завойко, 1876).

Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь...

Жизнь женщин в те времена омрачалась высоким уровнем детской смертности. Медицина была бес-

«Белый дом» — дворец генерал-губернатора в Иркутске (ныне — здание Научной библиотеки Иркутского государственного университета). Фото В. Короткоручко

и нравственного настроения людей, их психологии — вообще при обращении к человеческой составляющей любых исторических процессов.

К сожалению, мемуаров русских женщин XIX в. очень мало. По нашим подсчетам, из 3 585 известных на сегодня дневников и воспоминаний, описывающих события 1801—1856 гг. в России, женщинами, или с их слов, написано всего 248, т. е. менее 7%. Были среди русских мемуаристок и жительницы Сибири.

И все же жизнь женщин из высшего слоя сибирской военной и гражданской администрации мы можем сегодня реконструировать прежде всего по мемуарам, принадлежавшим перу мужчин — мужей, родственников и знакомых. Особое внимание мемуаристы, писавшие о женщинах, уделяли женам высокопоставленных чиновников: помимо обычного интереса к жизни начальства была и другая причина, а именно: исключительное положение, которое занимали эти женщины в местном обществе.

Вот это барский кабинет; здесь почивал он, кофе кушал, приказчика доклады слушал...

В Сибирь губернаторов переводили из центральных губерний по указу царя. Средний срок службы губернаторов на одном месте составлял около 4 лет (от года до 15 лет и более) — этим была продиктована необходимость частых переездов. И всякий раз женщинам приходилось приспосабливаться к новому климату, к новому укладу жизни, к новому окружению, а иногда и к новым обязанностям.

Так, генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель вспоминал, как в бытность его посланником в Персии жена выучила персидский язык, познакомилась с женами важных персидских сановников и даже с первой женой шаха, после чего получила приглашение, разумеется с мужем, к самому шаху. Но после нескольких лет службы на дипломатическом поприще, а затем и пребывания в должности сенатора (т. е. спокойной жизни в Петербурге) ее муж был отправлен генерал-

Здание бывшего Института благородных девиц Восточной Сибири в Иркутске.
Фото В. Короткоручко

сильна перед многими болезнями, побежденными в наши дни. В Сибири особенно остро не хватало квалифицированных врачей. Дело доходило до того, что в дом генерал-губернатора вынуждены были приглашать государственного преступника, ссыльного декабриста Ф. Б. Вольфа.

Трудно было организовать воспитание и обучение детей. В первой половине XIX в. существовало всего две мужские гимназии — в Тобольске и в Иркутке; в 1868 г. открылась еще одна — в Красноярске, а в 1845 г. в Иркутске был организован Девичий институт Восточной Сибири. Обучение детей высокопоставленных чиновников в этих заведениях было довольно редким явлением: сыновей отправляли в кадетские корпуса Центральной России (например, сын генерал-губернатора В. Я. Руперта учился в привилегированном Пажеском корпусе), дочерей — в престижные столичные институты благородных девиц. До 11–12-летнего возраста

даже мальчики воспитывались и получали первоначальное образование дома.

Для того чтобы подготовить детей-подростков к поступлению в учебные заведения, нужны были гувернеры, гувернантки и учителя. Их, как правило, привозили с собой или выписывали из России. В Тобольске или Иркутске еще можно было найти квалифицированных педагогов, а вот в таких отдаленных местах, как Якутск, устье Амура, Камчатка, учителей не было вовсе. Детям камчатского губернатора В. И. Завойко все предметы преподавали сами родители. Отправлять детей в гимназии и в кадетские корпуса за тысячи километров было трудно с материальной и с психологической точки зрения, поэтому в прошениях о переводе в Россию традиционно указывалось на необходимость дать детям образование.

Ситуация стала меняться коренным образом во второй половине столетия: появились женские гимназии, открылись новые мужские

гимназии и реальные училища; повысился уровень образования, которое можно было получить в Сибирском кадетском корпусе (Омск); и наконец, в 1888 г. в Сибири, в Томске, появился свой университет. Тем не менее, значение семейного образования и воспитания как основы и залога последующей успешной карьеры сыновей оставалось по-прежнему важным.

**Кто б смел искать девчонки
нежной в сей величавой,
в сей небрежной
законодательнице зал?**

У супруг губернаторов была еще одна важная обязанность — руководить светской жизнью общества: организовывать балы, приемы, музыкальные концерты, званые торжественные и праздничные обеды и вечера, в которых нередко участвовали приезжавшие из Москвы и Петербурга артисты.

Жена первого губернатора Амурской области Екатерина Матвеевна Буссе, выпускница Девичьего института Восточной Сибири и страстная любительница музыки, сумела превратить свой дом в центр общественной и культурной жизни. Кроме приемов и обедов, здесь устраивались любительские спектакли, вечера с танцами, живыми картинами, музыкой, чтением, и потому казенный губернаторский дом должен был быть «очень красив, велик, с разными затеями», даже с зимним садом и большой беседкой, увитой плющом. Множество вещей, необходимых атрибутов цивилизованной жизни, приходилось выписывать из России или из-за границы.

Губернатор Н. В. Буссе жаловался генерал-губернатору М. С. Корсакову: «В Благовещенске нет ни рояля, ни пьянино. <...> Жена страшно горюет», — и просил приобрести инструмент для губернаторского дома на казенные деньги, «как это сделано в Чите и в Иркутске» (Отдел рукописей РГБ, ф. 137). Такая деятельность отнимала много сил

и времени. Отправляясь в кратковременный отпуск в Иркутск, Буссе писал тому же Корсакову, что его жена устала от «огромной непривычной хозяйственной деятельности, скверной дворни», приемных дней и обедов.

Умению быть хозяйкой салона, центром светского общества девочек из дворянской среды начинали обучать с раннего детства, однако не все дамы высшего круга владели этим искусством. Так, жена генерал-губернатора Западной Сибири Наталья Дмитриевна Горчакова «была женщина <...> в высшей степени застенчивая, близорукая, терялась при появлении каждого нового человека, так что официальные приемы у генерал-губернатора были для нее просто невыносимы, она любила жизнь более тихую и скромную, много занималась воспитанием детей, часто ездила в Россию, а под конец и совсем переселилась туда» (Францева, 1888, С. 391).

Светские нормы, освобождавшие женщин-дворянок из-под власти служебной иерархии и бытовавшие в столицах уже в XVIII в., в российской провинции установились не сразу. В 1817 г. следовавшая из Петербурга на Камчатку Людмила Ивановна Рикорд в гостинной иркутского губернатора Н. И. Трескина стала свидетельницей такой картины: «Дамы, приезжающие с визитами или по приглашению, войдя в гостиную, где на диване сидела супруга губернатора, низко ей кланялись, а она, сидя, протягивала им руку, которую те и целовали» (Там же, С. 391). Молодая столичная дама постаралась уклониться от исполнения потрясшего ее местного обычая.

Через 20 лет, в 1848 г., через Западную Сибирь проезжал молодой выпускник Александровского лицея Б. В. Струве. Он оставил свидетельства о поразившем его воображение поведении генерал-губернатора Западной Сибири князя П. Д. Горчакова на балу. Желая «оказать внимание какой-либо барышне или даме», он «делал с нею один тур вальса, а потом, как бы выбрасывая ее из своих рук к близ стоявшему адъютанту, приговаривал: «На! Покружи-ка ее!»». (Кстати, спустя 12 лет в семье Струве родился сын Петр, впоследствии активный деятель кадетской партии и родоначальник знаменитой ныне династии общественных деятелей и издателей.)

**Когда я бедным помогала
или молитвой услаждала
тоску волнуемой души...**

Реформы 1860-х гг., радикально изменившие жизнь нашей страны, повлияли и на участие женщин в общественной жизни. В 1850–1860-е гг. в каждом губернском городе появляются тюремные комитеты, благотворительные общества попечения о бедных, больных, сиротах, престарелых и пр.

В каждой из этих организаций существовали женские отделения, руководительницами которых, как правило, были жены глав местной администрации. Они же нередко являлись попечительницами женских гимназий и училищ, детских приютов и прочих учебных и благотворительных заведений. В их обязанности входили регулярный сбор средств в пользу подопечных, подбор кадров и т. д. Работа велась совместно с государственными органами: дирекциями училищ, приказами общественного призрения, экспедициями о ссыльных, строительными комиссиями губернских управлений.

Известно, что под руководством Анны Михайловны Арцимович, жены тобольского губернатора, Тобольский попечительный тюремный комитет организовал обучение белошейному делу в женской пересыльной тюрьме.

О молодой и обаятельной жене генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда Любови Федоровне, о ее доброте и отзывчивости в Омске до сих пор ходят легенды. В 1851 г. М. С. Корсаков писал родным: «...та самая Любинька Львова <...> выходит замуж и будет первое лицо после мужа в Западной Сибири».

Густав Христианович, который был значительно старше жены, брал ее с собою во время объездов «войск, расположенных в степи» или посещений «пограничных казачьих станиц». Мифологизирован-

Портрет Л. Ф. Гасфорд — одно из немногих имеющих в нашем распоряжении изображений жен сибирских генерал-губернаторов из фондов Переяславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Портрет был опубликован в 1987 г. в альбоме «Акварельный и карандашный портрет XVIII—XIX вв. в музеях РСФСР» с подписью «Л. Ф. Тасфорд». Исследователю П. П. Вибе удалось атрибутировать портрет Любови Федоровны, хранящийся в музее, куда он попал из имения ее сестры (Вибе, Дзюбанов, 2004, С. 54—55). И сейчас жена генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда впервые предстает перед читателями под своим настоящим именем

ный юный образ жены губернатора — а она умерла очень молодой — нашел отражение в топонимике Омска: в ее честь были названы Любинский проспект (ныне улица Ленина) и Любинский сад.

Жена приамурского генерал-губернатора Варвара Федоровна Духовская (урожденная княжна Голицына), выросшая в высшем петербургском свете, писала в своих воспоминаниях о занятиях в благотворительном обществе, драматическом кружке, музыкальном обществе, а также о женском училище (будущей прогимназии), публичной библиотеке, народных чтениях, приюте для девочек и многом другом.

Она меж делом и досугом открыла тайну, как супругом самодержавно управлять...

Губернаторши играли важную роль не только в светской, культурной и благотворительной жизни подчиненных своих мужей. Они становились посаженными матерями на свадьбах чиновников и крестными матерями их детей. Чиновник или офицер должен был испрашивать согласие своего начальника на брак. Такое согласие давалось только с ведома супруги.

Порой именно от нравственных качеств «первой дамы» зависели и служебное поведение ее мужа, и господствовавшие в его ближайшем окружении нравы. Жены высокопоставленных чиновников принимали участие в обсуждении многих тем, относившихся к управлению.

О жене иркутского губернатора 1806—1819 гг. Н. И. Трескина С. И. Черепанов оставил следующие свидетельства: «Всю трескинскую кутерьму производила «Трещиха», как называли по-сибирски жену Трескина. Подобрал таких деятелей, как исправник Лоскутов и правители канцелярии губернатора <...> она задалась задачей собрать для своих детей, которых было, кажется, восемь, по пуду ассигнаций» (Отрывки из воспоминаний С. И. Че-

В. Духовская
С Петербурга
1900 г.

Жена приамурского генерал-губернатора В. Ф. Духовская отличалась широтой интересов и склонностью к благотворительности. Фотография из кн.: Духовская В. Ф. Из моих воспоминаний. — СПб., 1900

репанова, 1876, С. 73). Справедливости ради стоит отметить, что губернатор известен не только своей дурной славой, которой он во многом обязан именно властолюбивой и алчной жене, — современные исследователи признают его заслуги в благоустройстве Иркутска, а также в развитии экономики губернии.

Жену якутского губернатора Ю. И. Штубендорфа Аделаиду Карловну на всю Россию «прославил» известный художник Н. А. Степанов, после чего сановнику пришлось выйти в отставку: в сатирическом журнале «Искра» была опубликована карикатура, свидетельствовав-

шая о вымогательстве губернаторшей мехов у якутов.

Но не у всех первых дам были подобные дурные пристрастия. Так, жене енисейского губернатора В. К. Падалки Елене Вильгельмовне (она была дочерью генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта) «никто не смел заикнуться о каком-нибудь подарке. Только один Николай Мясников (известный сибирский золотопромышленник. — Н. М.) ухитрился обойти ее строгость»: он преподнес ей в качестве сувенира золотые лапти (Там же, С. 79).

В мемуарах содержится большое количество свидетельств о вме-

шательстве в управленческую деятельность сановитых чиновников не только их жен, но и любовниц. О генеральше А. Р. Шрамм, под чье влияние подпал генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков после отъезда жены, М. Д. Францева писала: «...управление краем перешло совершенно в ее руки; если кому было что-нибудь нужно, то прямо обращались к ней, неся <...> дань для успеха дела» (Францева, 1888, С. 626).

В 1840-е гг. Сибирь переживала «золотую лихорадку». Открытие золотых месторождений, разработка приисков (преимущественно в Енисейской и частично в Томской губерниях) не только оживили экономику края, но и способствовали появлению новых способов незаконного обогащения. Для борьбы с коррупцией были приняты законы, запрещавшие сибирским чиновникам иметь собственные прииски и заниматься добычей золота.

Карикатура на жену якутского губернатора Ю. И. Штубендорфа. Художник Н. А. Степанов (журнал «Искра», 1863 г., № 39, 11 октября, С. 539)

Жена Влиятельного лица продает якутские овощи у ворот своего дома.

Якуть. — Эги чибю, мячка?

Она. — Это морковь, рьпа, свекла.

Якуть. — А фдаты его, мячка?

Она. — Бдаты, очень вкусно, лучше лошадиного мяса, а как дешево: по бьлэб за штуку.

Но чиновники скоро научились обходить этот запрет, оформляя собственность на имя жен. Так, владелицами собственных приисков стали жена иркутского губернатора Л. А. Пятницкая, жена начальника горного округа Аполлинария Родственная и др. (Кстати, дочь Родственной, представительница женского движения Л. А. Шанявская, вложила почти все деньги, перешедшие к ней по наследству, в развитие женских курсов и знаменитого Народного университета в Москве, носящего имя ее мужа А. Шанявского.)

Она казалась верный снимок du comme il faut...

В XIX в. управленческая работа чиновников высшего звена сочеталась с необходимостью постоянных разъездов по сибирским просторам. Энтузиастки-путешественницы были и среди первых дам; прежде всего стоит назвать Екатерину Николаевну Муравьеву и Лидию Константиновну Полторацкую, отличавшихся широтой взглядов, образованностью, пылкостью ума и бесстрашием.

Жена генерал-губернатора Восточной Сибири 1847–1861 гг. Н. Н. Муравьева-Амурского родилась во Франции и принадлежала к старинному дворянскому роду de Richemond из Лотарингии. С будущим мужем она познакомилась во время его поездки за границу. Свадьба состоялась 19 января 1847 г. в г. Богородицке Тульской губернии, где Муравьев тогда был губернатором. Перед свадьбой молодая француженка приняла православие и стала Екатериной Николаевной. Через год вместе с мужем она уехала в далекую и совершенно ей незнакомую Сибирь.

Жена Муравьева, сыгравшая важнейшую роль в истории Сибири и России в целом, стала помощницей во всех его делах. Во многом благодаря инициативе и настойчивости выдающегося государственного деятеля в состав Российской империи вошел огромный Амурский край, была установлена ныне существующая граница с Китаем, за что в 1858 г. Муравьеву был присвоен титул графа, а к его фамилии добавлена почетная приставка Амурский. Ныне в Хабаровске находится памятник Муравьеву-Амурскому работы скульптора А. М. Опекушина (этот памятник изображен на российской пятитысячной купюре).

Жить ей пришлось в Иркутске, в генерал-губернаторском дворце, вести огромный дом. В доме была устроена даже и оранжерея, «очень хорошая и в большой чистоте» содержавшаяся. Ее описанию посвящено несколько строк в дневнике М. С. Корсакова: «Плющ красиво и густо покрывает стены. Деревья есть, фиговое довольно большое, лимонное с созревшим лимоном, виноград, цветы розы, гвоздики, резеда, жасмин и другие». В письме к родным Корсаков упоминал также, что «у Николая Николаевича при доме есть маленький

Жены высших сибирских чиновников зачастую сопровождали своих мужей в рискованных экспедициях и опасных поездках по малоизученным местам огромного сибирского края. Фото начала XX в.

садик, самим им разведенный, в котором довольно малины и прочих ягод», а в оранжерее есть и ананасы. При садике «содержались дикая коза и заяц». Для Иркутска это не было такой уж экзотикой — в городе давно уже привлекала к себе внимание огромная оранжерея просвещенного купца В. Н. Баснина. Тем не менее, содержание такого роскошного дома требовало больших затрат энергии и внимания. Однако интересы молодой губернаторши не ограничивались заботами о доме.

Общество первой дамы Иркутска составляли жены декабристов — Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская, а также виолончелистка Э. Христиани, дававшая в Сибири концерты. Когда на Муравьева был написан донос, обвинявший его в дружбе с «государственными преступниками», в свое оправдание он сослался на необходимость жене-француженке иметь знакомых дам, владевших ее родным языком.

Интересы Муравьевой были достаточно широки. В 1850-е гг. Екатерина Николаевна сделала копию запрещенных сибирских сочинений М. С. Лунина («Письма из Сибири» и «Взгляд на польские дела») «с оригинала, хранившегося у Волконских» (Матханова, 1998). (За эти сочинения в 1841 г. ссыльный декабрист М. С. Лунин был подвергнут вторичному аресту и заключению в Акатуйскую тюрьму, где он и умер.) В салоне Муравьевой говорили о многих серьезных вещах, в том числе и о начавшемся процессе колонизации Амурского края.

«По свидетельству знавших Екатерину Николаевну, — сообщает биограф ее мужа И. П. Барсуков, — она была чрезвычайно красива, умна и образована <...> добрая сердцем и отличалась любовью к своему новому

отечеству. При безграничной любви к жене, Муравьев поддавался ее влиянию <...> и нельзя не сказать, что <...> это влияние было всегда в своих результатах хорошим, подчас умиротворяющим». О ней благожелательно и восхищенно писал и И. А. Гончаров, в 1855 г. посетивший Сибирь (Граф Н. Н. Муравьев-Амурский, 1998, С. 140).

Екатерина Николаевна, с присущей ей страстью к приключениям, сумела убедить мужа взять ее с собой в 1849 г. в первую его поездку на Камчатку, поклявшись «безропотно переносить все трудности». По мемуарным свидетельствам сопровождавшего чету Муравьевых в этом путешествии Б. В. Струве, генерал согласился, «потому что он был в нее влюблен безумно» (Там же, С. 56). «После первого 25-ти верстного верхового перехода, — писал Струве, — Екатерина Николаевна, будучи разбита до изнеможения, не могла в назначенный час сесть опять на лошадь. <...> Муравьев приказал мне отправить его супругу одну с камердинером Флегонтом обратно в Якутск, где ей предоставлялось остаться до возвращения генерала из Камчатки или вернуться в Иркутск. Муравьев <...> отправился дальше, а Екатерина Николаевна вернулась бы в Якутск, если бы она, убедившись в неуступчивости своего супруга, не сделала сверхъестественное усилие: при помощи моей и Флегонта она поднялась, заливаясь слезами, на свою лошадь и поехала за своим жестоким мужем. Как объяснить эту жестокость? Опытностью: он знал, что если в том разбитом состоянии, в котором находилась его жена, залежаться, то это не пройдет в течение нескольких дней, а если немедленно опять сесть на лошадь и продолжать путь, то эта разбитость

пройдет сама собою, незаметно, без потери времени для дела, в котором каждый день рассчитан. Много таких сцен, очень тяжелых и удручающих, а в воспоминании приятных, пережили мы в этом походе» (Там же, С. 57–58).

В 1855 г. Муравьева участвовала во втором амурском сплаве и несколько недель находилась на мало приспособленном к такому дальнему и трудному путешествию судне, проехав таким образом несколько тысяч верст по неосвоенной и формально не принадлежавшей России территории. Случайный очевидец оставил мемуарное свидетельство о том, как осенью 1855 г. Муравьев и его свита передвигались от Аяна — порта на побережье Охотского моря — в горы: «Вскоре вижу табун собак, запряженных в нарты, на передней восседает Екатерина Николаевна <...> вслед кавалькада верхом на оленях, во главе Николай Николаевич Муравьев» (Там же, С. 151–152).

Многие спутники будущей графини вспоминали о ее заступничестве перед грозным начальником за провинившихся. «Только благодаря доброму участию супруги генерала Екатерины Николаевны, — вспоминал участник одного из первых сплавов по Амуру М. Г. Демидов, — <...> не совершилась бесцельная жестокость и не был оставлен на берегу по приказу Муравьева есаул Медведев, посадивший баржу на мель» (Там же, С. 156).

Заступничество Е. Н. Муравьевой и М. С. Корсакова помогло есаулу Имбергу, которого генерал-губернатор распорядился расстрелять за отступление с позиций без приказа во время войны.

Участие в трудных и опасных экспедициях подорвало здоровье Муравьевой. Несколько раз она лечилась на местных минеральных водах, бывала с этой целью и за границей, а в декабре 1857 г. уехала из Сибири навсегда.

Вскоре Муравьев отправился в длительный отпуск во Францию, а 27 января 1861 г. покинул Сибирь окончательно. После отставки он был назначен членом Государственного совета и поселился вместе с женой в Петербурге, по несколько месяцев в году проводя во Франции. Там Муравьев-Амурский и скончался в 1881 г. Екатерина Николаевна пережила мужа на 16 лет. Ее останки покоятся в семейном склепе близ французского города По (Матханова, 1998).

Когда стремглав верхом она несется по полям одна, коня пред ним останавливает, ременный повод натянув ...

Вторая половина XIX в. в России, в том числе и в Сибири, прошла под знаком социальных перемен. Одной из ярких эмансипированных представительниц своего времени стала жена семипалатинского военного губернатора Лидия Константиновна Полтарацкая (дочь известного литератора К. П. Масальского).

Полтарацкая сопровождала мужа в его поездках по неизученным и малоизученным местам Алтая. В горах приходилось скакать верхом в мужском седле, носить бешмет (стеганое татарское полукафтанье, или поддевка под кафтан) и чембары (просторные шаровары, надеваемые сверх тулупа, полы которого «закладываются в чембары»). Татарский мужской костюм по торжественным случаям она меняла на «свое женское татарское платье» (Полтарацкая, 1871, С. 640).

«Одна благородная, т.е. чиновная дама, — писала Лидия Константиновна в своих записках, — встретив нас на пикете, рассказывала потом, что встретила генерала с мамзелью [с любовницей], и на все доводы знавшего нас содержателя почты, упорно утверждала, что не может быть, чтобы благородная образованная дама путешествовала без горничной» (Там же, С. 588).

Однажды вместе с десятилетним сыном оказались они на горной осыпи. «Боже мой, того и гляжу, что сорвусь, а главное — мой Костя, — вспоминала Полтарацкая. — Помочь ему ничем не могу, приказываю только не останавливаться. <...> Если бы несколько минут тому назад <...> меня приговорили бы расстрелять за то, что я потащила ребенка на такую опасность, я бы не пикнула» (Там же, С. 598).

В конце 1870-х гг. Лидия Константиновна сопровождала вместе с мужем и двумя детьми немецкую

научную экспедицию, в которую входил и знаменитый натуралист А. Брем. Со знанием дела рассуждает она в своих записках о деталях облавной охоты, которой «угостили» именитых путешественников, без особых жалоб перечисляет перенесенные трудности и невзгоды, и даже утверждает, что эта прогулка была одним из приятнейших воспоминаний жизни в Сибири.

Лидия Константиновна увлекалась только что появившимся фотографированием и была, вероятно, первой женщиной-фотографом в Сибири. Удобные для путешествий камеры появились чуть позже, «аппараты и штативы были очень громоздкими, стеклянные пластинки (фотопленок тоже еще не было) больших размеров было трудно хранить в дороге, они обременяли своей тяжестью. Надо было брать с собою... бутылку с жидким коллоидом» и другими растворами. Техника ограничивала возможности ландшафтных съемок: нельзя было сочетать планы, снимать в ветреную погоду (выдержка длилась минуту-полторы), зелень получалась однородным темным пятном и т.д. Снимки Л. К. Полтарацкой «были технически хорошо выполнены. <...> Она учитывала расположение отдельных групп растительности и линии очертаний гор, холмов, ледников. Она старалась «поднять» линию горизонта, отчего снимок оказывался лучше заполненным» (Морозов, 1961, С. 48).

Сделанные ею в путешествиях фотографии вошли в «Альбом типов и видов Западной Сибири», состоявший из 50 с лишним изображений, на которых были запечатлены картины Алтая, быт и внешний облик его жителей. За этот альбом Л. К. Полтарацкая была «удостоена большой серебряной медали на Московской антропологической выставке 1879 года» и включена в число «членов-организаторов только что созданного тогда отдела светописи Русского технического общества» (Там же, С. 33–35).

Познакомившись с жизнью «первых дам» сибирской провинции XIX в., мы можем понять, как статус жены высокопоставленного сановника задавал женщине определенную модель поведения.

Однако несмотря на эти ограничительные рамки, всегда существовала возможность проявления ее личности, характера, наклонностей и талантов: среди жен высших чинов российской империи можно увидеть умелых хозяек и светских дам, благотворительниц и меценаток, хищниц и взяточниц, заботливых матерей для собственных детей и для подчиненных мужа, и даже участниц рискованных экспедиций. И с высокой степенью вероятности можно утверждать, что эти слова могут повторить за нами будущие исследователи современной «женской истории». Em de tus sinaris. Satilienimum ia?

Авторы и редакция благодарят Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Национальную российскую библиотеку (Санкт-Петербург), Государственную публичную историческую библиотеку (Москва), Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Переяславль-Залесский) и Отдел редкой книги Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск) за предоставленные материалы и помощь в подборе иллюстраций

Литература

Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы к биографии. Кн. 1. — М., 1891.

Вибе П. П., Дзюбанов С. Д. Генерал Гасфорд и его жены // Омский краевед. — 2004. — № 2. — С. 54–55.

Гончаров Ю. М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX — начала XX вв. // Социальная история. 2003. Женская и гендерная история. — М., 2004. — С. 324–342.

Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. — Новосибирск, 1998.

Духовская В. Ф. Из моих воспоминаний. — СПб., 1900. — Ч. 2. — С. 442–460.

Завойко Ю. Г. Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854–1855) // Русский вестник. — 1876. — Т. 123. — № 6. — С. 442–504.

Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. — Новосибирск, 1998.

Отрывки из воспоминаний С. И. Черепанова, напечатанные в «Древней и Новой России» 1876 г. — Казань, 1879. — С. 73.

Полтарацкая Л. К. Поездка по китайской границе от Алтая до Тарбагатай // Русский вестник. — 1871. — Т. 93. — № 6. — С. 580–661; Она же. Бременская экспедиция в Семипалатинской области // Природа и охота. — 1879. — Т. 1. — № 3. — С. 23–52.

Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к биографии. — М., 2002.

Рикорд Л. И. Воспоминания // Русская старина. — 1879. — Т. 24. — № 1. — С. 41–48.

Францева М. Д. Воспоминания // Исторический вестник. — 1888. — Т. 32. — № 5. — С. 381–412; № 6. — С. 610–640; Т. 33. — № 7. — С. 61–87; 1917. — Т. 147. — № 3. — С. 694–715.